

Считаю полнымъ заблужденіемъ мнѣніе тѣхъ, которые увѣряютъ, будто-бы трудъ народа и его искусство находятся въ зависимости отъ его умственныхъ способностей. Всякій народъ имѣетъ въ своей средѣ способныхъ и бездарныхъ индивидуумовъ. Слѣдовательно, невозможно признать многомилліонную человѣческую массу даровитой или бездарной. Искусство человѣка зависитъ только отъ высоты его моральнаго состоянія. Если человѣкъ трезвый, внимательный, послушный, честно выполняющій свою обязанность и сознающій свое достоинство, то отпечаткомъ всѣхъ этихъ качествъ какъ-бы накладывается несмываемое клеймо на произведеніи его труда; произведеніе его получается прочнымъ, обдуманымъ, удобнымъ и красивымъ. Если-же человѣкъ лѣнивъ, невоздерженъ, невнимателенъ, непослушенъ и нечестно выполняетъ свою обязанность, тогда, конечно, на произведеніи его труда все это ложится позорнымъ клеймомъ. Что-же касается людей бездарныхъ, неспособныхъ, то такіе люди, по большей части, ничего не производятъ во всѣхъ странахъ, гдѣ-бы они ни находились. Поэтому необходимо признать производительность труда только плодомъ моральнаго состоянія души работника:

Нѣтъ сомнѣнія, что есть и другія причины вырожденія и смерти народовъ, но главной причиной паденія, подтвержденной всеобщей исторіей человѣчества, всегда бываетъ пониженіе нравственнаго уровня ихъ.

Я увѣренъ въ томъ, что всѣ народы земли, почувавъ вѣяніе живительной морали, съ радостью предпочтутъ вернуться къ завѣтамъ великихъ предковъ, основателей священныхъ союзовъ народовъ, чѣмъ

топтаться въ грязи эгоистическихъ страстей, поддерживаемыхъ штыками да пулеметами. Придётся въ концѣ концовъ признать, что мечъ, штыкъ и пулеметъ очень ненадежная защита. Кто мечъ подымаетъ, тотъ обязательно отъ меча погибнетъ, моральная-же основа, на которой будетъ базироваться союзъ народовъ, въ защитѣ штыками совершенно не нуждается. Она, какъ солнечный свѣтъ, согреваетъ и даруетъ жизнь всѣмъ обитателямъ земли, не прибѣгая къ насилію для достиженія своей высокой цѣли. Да возродится моральная чистота, въ которой всѣ народы обрѣтутъ свой самый прочный, длительный и надежный миръ на землѣ.

А ты, Израиль, стряхни съ себя вѣками навѣянную на тебя пыль. „Оглянись, оглянись, Израиль“, на свою былую чистоту, вернись къ моральной высотѣ предковъ Твоихъ, и всѣ народы земли воспоютъ тебѣ священную пѣснь твоей непорочной юности, сохранившуюся въ неприкосновенности на свиткахъ твоихъ священныхъ писаній.

Авторъ.

Введение.

Въ привольныхъ степяхъ, на тучныхъ нивахъ земли Ханаанской, подъ сѣнью пальмъ и пышныхъ виноградниковъ, нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ росли и развивались колѣна Израилевы, — племена земледѣльческія, вкушавшія на просторѣ плодородной земли всѣ прелести благодатной природы Востока. Природа нѣжила ихъ, легко предоставивъ лучшую пищу, прекрасные сочные плоды и чарующій виноградный напитокъ. Племена эти, руководимыя своими патріархами и священниками, изъявляли всегда покорность и благодарность Богу за предоставленныя имъ земныя блага. Духовная связь между народомъ и Богомъ въ той или иной формѣ никогда не прекращалась.

Богъ надѣлилъ эти племена прекраснѣйшими женщинами, которыя услаждали имъ земную жизнь. Женщины эти обладали любвеобильными сердцами, и, кромѣ своей божественной красоты, дарили своихъ мужей горячей преданностью, вдохновленной священнымъ огнемъ неугасаемой любви.

Женщины древняго Израиля умѣли быть не только преданными и любящими женами, но также чудными матерями и лучшими воспитательницами подростающаго поколѣнія. Онѣ внушали дѣтямъ любовь и преданность Богу, любовь и преданность родителямъ и народу своему, безропотное выпол-

нені завѣтовъ предковъ, послушаніе старѣйшинамъ и патріархамъ и готовность во всякое время жертвовать собою за благо своего народа и за свою вѣру.

За такія высокія качества наиболѣе благочестивыя дочери Израилевы удостоились чести рождать для народа своего рыцарей силы и духа, мужей благочестивыхъ и великихъ пророковъ, лицезрѣвшихъ Бога-Творца вселенной и передававшихъ народу своему непоколебимую волю Его.

Книга «Пѣснь пѣсней», анализъ которой я здѣсь дѣлаю, представляетъ собою зеркало, въ которомъ отражаются всѣ высшія качества и достоинства женщинъ древняго Израиля, все очарованіе патріархальной жизни, вся красота тѣла и благородство души древнихъ матерей.

Любопытно отмѣтить, что, изображая печальную исторію древнѣйшаго человѣчества, Библія никогда ничего плохого не говоритъ о дочеряхъ человѣческихъ. Въ книгѣ Бытія повѣствуется, что дочери человѣческія были такъ обаятельны, что соблазняли своей красотой сыновъ Божьихъ (Кн. Бытія, гл. 6, стих. 2 и 4).

Придавая огромное значеніе обаянію и красотѣ женщины, считавшимся высшими божественными дарами, древнѣйшее человѣчество создало особый культъ брака, имѣвшаго цѣлью образовать новую благочестивую патріархальную семью для совершенствованія человѣческаго рода по образу и подобію праведника — благочестиваго Ноя, со времени котораго въ развитіи чѣловѣчества наступила новая эра. Культивированіе благословеннаго брака объясняетъ, почему въ древности, при высокомъ уваженіи къ дѣтямъ великихъ гражданъ, преслѣдовались дѣти незаконнорожденные, не признававшіяся даже членами об-

щины. (Второз. гл. 23, ст. 3. Левитъ, гл. 19, стих. 26, гл. 22, стих. 32). Дѣти, родившіяся внѣ благословеннаго брака, считались нечистыми—сорной травой въ священномъ виноградникѣ, который съ тщательной осторожностью культивировался священниками и старѣйшинами. Дѣти же благословенныхъ браковъ превозносились и высоко почитались, какъ божественныя и священные сѣмена.

Этимъ объясняется красота и торжественность обряда патриархальнаго бракосочетанія, являвшагося торжествомъ всей общины, представители которой возводили жениха на степень царя, отдавали ему царскія почести, мирропомазывали, окуривали брачное ложе и брачный престолъ мирромъ и ладаномъ, заклинали любовь, изгоняли духа соблазна и лукавства, восхваляли красоту невѣсты и жениха, воспѣвали вѣчную, сильную и страстную любовь, пѣли притчу о священномъ виноградникѣ, каждый садовникъ котораго долженъ былъ принести за плоды свои тысячу серебрянниковъ, что символизировало патриотическую преданность будущаго поколѣнія своей родинѣ и своему племени. Весь брачный обрядъ имѣлъ цѣлью возвести будущее чистое поколѣніе отъ благословенной брачной связи на степень царственнаго величія и божественной святости.

Всю древнюю форму брака сохранила въ себѣ книга «Пѣснь пѣсней», являющаяся самымъ драгоценнымъ древнимъ памятникомъ, освѣщающимъ цѣль брачныхъ обрядовъ и твердый незыблемый патриархальный строй.

Между тѣмъ до сихъ поръ не уяснено еще дѣйствительное значеніе и истинный смыслъ этой великой книги. Книга переводилась по старому шаблону въ то время, какъ старѣй переводъ не только не

соотвѣтствуетъ древнему оригиналу, но прямо вводитъ читателей въ заблужденіе. Всѣ ученые опирались, главнымъ образомъ, на древніе авторитеты—еврейскихъ гебраистовъ, начиная отъ Септумъ Агинте и талмудистовъ и кончая послѣдними богословами. Въ результатъ книга оказалась неправильно раздѣленной на главы и нерѣдко давала смѣсь фразъ, не имѣющихъ никакой связи.

Для иллюстраціи неприемлемости прежнихъ переводовъ и неправильнаго разграниченія главъ, я приведу текстъ одного изъ лучшихъ переводовъ, дефекты котораго до очевидности ясны.

Толковая библія: изданіе наслѣдника Лопухина 1908 года, томъ пятый, страница 51:

ПѢСНЬ ПѢСНЕЙ.

Глава I.

1) Да лобзаеъ онъ меня лобзаніемъ устъ своихъ, ибо ласки *твои* лучше вина.

3) *Влеку меня*, мы побѣдимъ за тобою — царь ввелъ меня въ чертоги свои, *будемъ* восхищаться и радоваться тобою, превозносить ласки твои больше, нежели вино; *достойно любятъ тебя*.

Глава V.

1) Пришелъ я въ садъ мой, сестра моя невѣста, набралъ мирры моею съ ароматами моими, поѣлъ сотовъ моихъ и съ медомъ моимъ, напился вина моего съ молокомъ моимъ. Ъшьте, друзья, пейте и насыщайтесь возлюбленные.

2) Я сплю и сердце мое бодрствуетъ. Вотъ голосъ моего возлюбленнаго, который стучится: отвори, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя, потому что голова моя вся покрыта росой, кудри мои — ночной влагою.

Глава VII.

Страница 70.

1) Оглянись, оглянись, Суламита, оглянись, оглянись и мы посмотримъ на тебя. Что вамъ смотрѣть на Суламиту, какъ на хороводъ Манаймскій.

Глава VI.

Страница 69.

7) Какъ половинка гранатоваго яблока, ланиты твои подъ кудрями твоими.

8) Есть шестьдесятъ царицъ и восемьдесятъ наложницъ и дѣвицъ безъ числа.

9) Но единственная — она, голубица моя; единственная у матери своей, — отличенная у родительницы своей. Увидѣли ее дѣвицы и превозносили ее, царицы и наложницы и — восхвалили ее.

10) Кто это блестящая, какъ заря, какъ луна, свѣтлая, какъ солнце, грозная, какъ полки со знаменами.

11) Я сошла въ орѣховый садъ посмотрѣть на зелень долины, поглядѣть, распустилась ли виноградная лоза, расцвѣли ли гранатовыя яблоки.

12) Не знаю, какъ душа моя влекла меня къ колесницамъ знатныхъ народа моего.

Глава VIII.

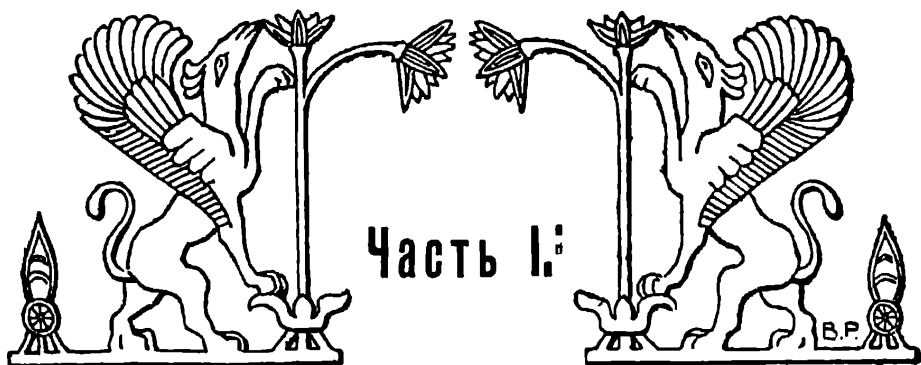
7) Большія воды не могутъ потушить любви и рѣки не зальютъ ее. Если бы кто давалъ все богатство дома онъ былъ бы отвергнутъ съ презрѣніемъ.

8) Есть у насъ сестра, которая еще мала и сосцевъ нѣтъ у нея, что намъ будетъ дѣлать съ сестрою нашею, когда будутъ свататься за нее и т. д.

Подобныхъ стиховъ и главъ въ книгѣ очень много. Въ каждой главѣ имѣются отдѣльныя части другихъ главъ. Въ результатъ неправильной пунктуациіи даже лица перемѣшаны и никто не пойметъ, кто поетъ данный стихъ, «онъ», «она», «они» или «мы».

Для того, чтобы книга эта была всѣмъ понятна, мнѣ пришлось сдѣлать новый переводъ ея, по слѣдующимъ причинамъ: 1) старый переводъ не точенъ и не соотвѣтствуетъ оригиналу; 2) старый переводъ слишкомъ прозаиченъ и отъ этого страдаетъ все содержаніе книги; 3) старый переводъ во многихъ мѣстахъ не приводитъ дословно текста и, благодаря этому, теряется весь смыслъ переводимаго; 4) старый переводъ былъ сдѣланъ по той формѣ въ пунктаціяхъ и разграниченіяхъ главъ, которую эта святая поэма получила послѣ массоретской перегруппировки текста, такъ что этотъ переводъ никоимъ образомъ не можетъ соотвѣтствовать точному тексту. Кромѣ того книга эта состоитъ изъ семнадцати или даже двадцати отдѣльныхъ пѣсенъ, заклинаній и обрядовъ, по смыслу своему ничѣмъ между собою не связанныхъ. Отсутствіе связи между всѣми составными частями текста только кажущееся, ибо связь и послѣдовательность каждой части находится въ тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ пѣсни эти послѣдовательно воспѣвались при извѣстныхъ обрядахъ.

ГЛАВА I.

У евреевъ и древнихъ христіанъ сохранилось преданіе, что книга «Пѣснь пѣсней» есть величайшая тайна міра. Нѣкоторые арабскіе переводчики и еврейскіе коментаторы называли эту книгу «Мудрость премудрости». Въ чемъ, однако, заключается тайна книги, никто ничего опредѣленнаго не сказалъ.

Путемъ изученія оригиналовъ древне-еврейской и халдейской письменности и на основаніи тщательнаго экзегетическаго анализа самаго текста я перевелъ книгу, установивъ правильную пунктуацию главъ, послѣ чего неразгаданная тайна книги сама собой разъяснилась и выяснилось ея дѣйствительное значеніе, которое древніе гебраисты скрывали отъ взоровъ непосвященныхъ, сами, быть можетъ, не замѣчая истины.

Книга почему-то называется «Пѣснь пѣсней». Конечно, это названіе неправильно и не соотвѣтствуетъ гебраистскому тексту, но оно все-таки вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію книги, а именно: это одна поэма, мозаически составленная изъ нѣсколькихъ

древнѣйшихъ обрядовыхъ и другихъ пѣсней и заклинаній. Каждая пѣснь имѣла въ свое время известное обрядовое и этическое значеніе. Пѣсни эти воспѣвались, быть можетъ, не только при бракосочетаніяхъ, а и въ другихъ торжественныхъ и радостныхъ случаяхъ. Нужно замѣтить, что въ то время о молитвахъ и религіозныхъ обрядахъ люди не имѣли ни малѣйшаго понятія, и что имя Божіе было известно не всякому, а только нѣкоторымъ избраннымъ, представителямъ племенъ и законодателямъ.

Человѣкъ древности еще не умѣлъ молиться Богу, онъ не умѣлъ нести свое горе или радость къ подножію Престола Всевышняго, онъ не умѣлъ освящать свои чувства посредствомъ духовной связи съ Богомъ, создателемъ всего сущаго. Свои душевные порывы онъ при радости выражалъ въ формѣ пѣсенъ. Въ древнѣйшемъ періодѣ человѣческаго бытія пѣснь воспѣвалась священниками и пророками и пророчицами, поэтическое вдохновеніе считалось навѣяннымъ на человѣка Святымъ духомъ, слова пѣсни считались святыми и пророческими. Пѣснь воспѣвалась не однимъ человѣкомъ, а цѣлымъ сонмомъ людей при хорахъ и музыкальных инструментахъ.

Еще въ библейской исторіи проглядываетъ та настойчивая идея, что родители считались полубогами. Слово «мужъ» и слово «богъ» (языческій) произносились по древнееврейски одинаково «баалъ». Даже въ позднѣйшемъ періодѣ мужу и богу отдавались одинаковые почести. За оскорбленіе отца и оскорбленіе Бога люди одинаково подвергались смертной казни черезъ забрасываніе камнями—«скила». Сынъ первородный считался святымъ патриархомъ и послѣ